

Краткая история пьянства Неоконченная

Все описываемые события не являются вымышленными и происходили на самом деле. Любые параллели между персонажами и реально существующими лицами являются обоснованными.

Ну, поехали.

Крепкие вина отечественного производства Одесса. "Біле міцне"

Когда мы выпили в первый раз, был тысяча девятьсот семьдесят пятый год, и солнце еще только начинало клониться к западу, нависая над берегом. Скалы, неровные желтые глыбы известняка тогда еще не разбило штормами, и еще можно было лежать в их тени рядом с темной бутылкой "Біле міцне", глядя на сверкающее под солнцем море. Сережа, старше нас на три года, откупоривал бутылку, отпивал ровно треть, доливал на освободившееся место белое сухое, "Алиготе" или "Ркацители" и передавал тому, кто сидел слева; бутылка шла дальше по часовой стрелке, пока снова не оказывалась у Сережи, который плотно закупоривал ее и начинал разговор. Потом мы привыкли видеть друг друга очень близко и очень далеко одновременно, но тогда это произошло впервые; был жаркий августовский день, волны шуршали о гальку, где-то рядом купались дети, и было непривычно видеть своих друзей сидящими рядом с собой далеко внизу, возле белой ленты прибоя, у темных пятен подводных камней, хорошо различимых с воздуха. Пожалуй, никто из нас не заметил, в какой именно момент мир внезапно оказался выше, шире и больше, чем он был всегда. Расплывчатые силуэты застывших у входа в залив судов превратились в четкие очертания палуб, темные черточки лодок вдали у горизонта стали светлыми прямоугольниками прямо под ногами, а острый излом

*Автор этих заметок профессор Анатолий Контуш уехал из Одессы лет десять назад. Нынче он живет и работает в Париже. И столица Франции, и Южная Пальмира обогатили его опытом застолий, который исследователь пополняет, путешествуя по миру, — в основном по странам, давшим жизнь различным горячительным напиткам. А Контуш усердно работает над созданием "Истории пьянства" и уже обнаружил ее краткий вариант, который любезно передал нашему альманаху. Компетентная комиссия отобрала для публикации фрагменты, в которых речь идет либо о напитках одесского производства, либо зарубежных, но расписанных автором на территории нашего региона.

Большефонтанского мыса оказался плавным изгибом береговой линии, плохо заметным с высоты. Мы знали, что в этом месте берег немного забирал к югу; сверху это было видно, как на ладони: выгибающаяся в широкий залив, кое-где перегороженная скалами узкая полоса песка; белая от солнца дорога, все время идущая рядом с пляжем; красно-коричневые разломы глин, зеленые пятна садов, черепичные крыши дач; тонкая, местами проломанная оползнями, линия нависающего над склоном обрыва, за которую нам никогда не удавалось заглянуть снизу; аккуратные домики над кручей; выглядывающие из зелени улицы; наискось пересекающая степь ниточка трамвайной линии; блестящий на солнце асфальт уходящего в город шоссе; квадраты городского кладбища в жарком, дрожащем над степью мареве далеко на северо-западе; правильные круги станции биологической очистки; четко очерченные границы пионерлагерей; золотой шарик монастырского собора, возвышающийся над садами; маленькая башенка маяка посреди пустынного плато на северо-востоке.

Сережа доставал бутылку из щели между камнями, отпивал еще, снова доливал сухого и осторожно, чтобы не уронить на играющих внизу детей, передавал ее следующему. Голубая плоскость моря сияла далеко под ногами, накатывающие друг за другом волны разбивались о песок над самым ухом, и счастье переливалось через край длинными полукругами пены, охлаждая тело и забрызгивая лицо. Все было впервые; из всех времен существовало только будущее; мир странно блистал и волновался.

Игорь допил все, что оставалось на дне, лег на песок, закурил последнюю оставшуюся сигарету, бросил в сторону догоревшую спичку и долго смотрел, как она, описывая широкие круги, опускается все ниже и ниже над сияющим морем; солнце садилось, темнело, и мелкая прибрежная галька больно давила в плечо.

Одесса. "Портвейн южнобережный"

Мы пьем по второй в тысяча девятьсот семьдесят шестом, когда уже становится темно, и искры от костра взлетают в черное небо над пляжем.

Мы сидим на узкой полоске песка, разделяющей сушу и море; под нами планета диаметром двенадцать тысяч семьсот пятьдесят шесть километров, над нами остальной мир, точный диаметр которого нам неизвестен; единственное, что нам известно — что это не диаметр вообще.

Сначала в мире нет никого, кроме нас двоих. Потом мы видим, как над склоном появляется какая-то фигура; кто-то зовет нас из темноты по имени; это Дима, и через несколько секунд он уже стоит возле нас с тремя

бутылками портвейна. Игорь тут же открывает одну из них, мы делаем круг, садимся поближе к огню и берем несколько аккордов на гитаре.

Висящие над нами звезды соединяются в линии созвездий.

Поднимающийся от костра дым переплетается со звуками гитары.

Высоцкий, Окуджава и Городницкий смотрят на нас из темноты, сидя на песке чуть поодаль.

Мы поем, подкладывая доски в огонь и передавая друг другу гитару; осенний квадрат Пегаса медленно встает над морем. Наконец костер догорит, и мы поднимаемся наверх; все давно спят; мы осторожно проходим мимо темных окон, пробираемся сквозь густые тени и выходим на широкую площадку, края которой соединяются с небом. На площадке нет ничего, кроме полуметровой трубы телескопа-рефрактора, возвышающейся ровно посередине; ты строил его не меньше месяца вместе с отцом. Мы наводим телескоп на яркий диск Луны и с интересом рассматриваем длинные лучи кратеров, неровные линии хребтов и темные плоскости морей, потом быстро находим Юпитер и сразу замечаем четыре яркие точки рядом с ним, долго ищем туманность Андромеды, но в окуляре не видно ничего, кроме тусклых расплывчатых пятнышек.

Еще какое-то время мы пытаемся рассмотреть, что там наверху, но, в конце концов, оставляем телескоп под яркими звездами в самой середине площадки и спускаемся обратно на пляж. Мы понимаем, что даже с помощью оптических приборов нельзя увидеть то, чего не видно глазами. Мы открываем последнюю бутылку портвейна, ложимся на песок и всматриваемся в нависающий над нами мир; мы знаем, что мир является частью нас, и мы являемся его частью.

Мы видим, как через неизвестно какое время, которое уже перестало быть временем и превратилось в пространство, какие-то наведенные на нас сверхчувствительные телескопы видят слабый огонек на берегу моря, а какие-то сверхчувствительные приемники регистрируют слабые звуковые сигналы.

Мы видим себя за пультами этих приемников и телескопов, внимательно разглядывающих этот эпизод наших жизней; мы видим просторное помещение, заполненное мириадами ячеек, в одну из которых мы аккуратно кладем этот эпизод; все ячейки как-то соединены друг с другом, но мы не можем отсюда разглядеть, как именно.

И мы слышим, как кто-то говорит кому-то негромким и четким голосом: "Зарегистрированный инопланетным телескопом свет костра, на котором горит Джордано Бруно, является лучшим доказательством правоты великого итальянца".

Одесса. "Солнце в бокале"

Звенит последний звонок, и они в последний раз, обнявшись, выходят из дверей своей школы.

Остановите их, пока еще не поздно.

Остановите их, пока они еще не прошли до конца квартала, не перешли дорогу, не попрощались возле трамвайной остановки и не растворились навсегда во вселенной через каких-то ничтожных тридцать-сорок-пятьдесят-шестьдесят лет.

Семьдесят, если кому-то из них повезет.

Или пять-десять, если нет.

Оставьте все свои дела, бросьте все и бегите туда, пока еще не поздно.

Ведь мы уже все проходили там, и нашим детям еще предстоит там пройти.

И никого из нас там не остановил никто.

И мы все прошли до конца квартала, перешли дорогу, попрощались возле трамвайной остановки и растворились навсегда во вселенной через каких-то ничтожных тридцать-сорок-пятьдесят-шестьдесят лет.

Не думая о том, что будет, высоко подняв голову, хохоча и приставая к девчонкам.

Нам страшно не повезло.

Нас не остановил никто.

Никто не знал, что так нужно.

Что нужно бежать туда именно в этот момент, хватать нас за руки и умолять не уходить.

Не проходить до конца квартала.

Не переходить дорогу.

Или хотя бы не прощаться возле трамвайной остановки.

Не прощаться, и все.

Остаться там, курить, разговаривать, сплевывать на асфальт, щелкать семечки, покупать в магазине вино, рассказывать анекдоты, задирать голову, смотреть на вечно голубое в конце мая небо.

Остановите их.

Остановите нас.

Остановите нас всех.

Мы не хотим уходить.

Сухие вина отечественного производства Одесса. "Алиготе"

Проходит меньше года, и мы входим в кафе, ждем в очереди несколько минут и садимся за свободный столик на некотором расстоянии друг от друга. Сеня идет за мороженым, Игорь приносит стаканы, Леня открывает сумку, и мы опасливо разливаем под столом первую бутылку, то и дело оглядываясь на продавщиц. Мы выпиваем, и расстояние между нами слегка уменьшается. Мы закусьваем мороженым, осматриваемся и открываем под столом вторую. Мы выпиваем еще по стакану, и расстояние между нами уменьшается еще на несколько сантиметров. Мы выбираемся из-за столика, выходим на Дерибасовскую и отправляемся на бульвар. Ноябрьский ветер дует вдоль улиц, идущих к морю, и мы плотно застегиваем куртки, отворачиваем в сторону лица и идем мимо редких электрических ламп, раскачивающихся на невидимых в темноте проводах. Мы находим плохо освещенную скамейку в садике возле моста, забираемся под низкие ветки ивы и пьем из горлышка третью. Когда мы снова выходим на мост, расстояние между нами сокращается почти до нуля; мы проходим мимо Воронцовского дворца, выкрикивая "Свободу Роберту Плантау!" и распевая "You never give me your money", минуем Дюка, сворачиваем в Театральный переулок и возвращаемся на Дерибасовскую. Магазины еще открыты, и мы покупаем еще три бутылки и снова идем к мосту по Гаванной и Гоголя. Когда мы проходим мимо замка, начинается дождь, и мы прячемся в ближайшем подъезде и распиваем четвертую в сырой темноте под шум падающих на асфальт капель. Расстояние между нами исчезает, когда Сеня допивает до дна и с облегчением ставит пустую бутылку в угол. Дождь усиливается, но мы выходим из ворот и идем к бульвару, не обращая внимания на лужи. Никто не молчит, все говорят и слушают одновременно, и каждый с абсолютной точностью понимает, что хотят сказать остальные. Так продолжается несколько коротких минут, пока мы снова не оказываемся возле садика. На скамейке мокро, и мы решаем забраться под мост; Игорь первым спускается по скользкому склону и машет нам снизу; мы осторожно, чтобы не сорваться с обрыва, сходим по размокшей глине и открываем пятую под тяжелыми бетонными перекрытиями. Здесь сухо, и мы садимся на землю и пускаем бутылку по кругу. Мы пьем ее так же, как все предыдущие, но когда мы снова появляемся под дождем и поднимаемся на мост, расстояние между нами почему-то возникает снова. Нам больше не хочется пить, кричать и говорить; мы

молча бредем по мокрым серым плитам, понимая, что один и тот же мост нельзя перейти дважды.

Одесса. "Столовое"

За столом, в кухне, на балконе, в ванной, за дверью, в коридоре, на лестничной площадке, в парадном, между этажами, в лифте, на чердаке, в подвале, на крыше.

Из стаканов, рюмок, стопок, бокалов, фужеров, чашек, кружек, бутылок, штофов, полуштофов, графинов, фляжек, мерных цилиндров, пробирок, канистр, цветочных ваз.

Под разговор, беседу, монолог, диалог, совещание, дискуссию, спор, диспут, скандал, анекдот, доклад, речь, выступление, лекцию, опрос, допрос, чистосердечное признание.

Стоя, сидя, лежа, засыпая, просыпаясь, на ходу, на бегу, за рулем, за штурвалом, на велосипеде, на стуле, в кресле, на табурете, в кровати, на диване, под диваном, в шкафу.

В июне, перед рассветом, после выпускного вечера, на пляже, с видом на Одесский залив.

В ноябре, на скамейке, в городском саду, под дождем, у стены летнего театра.

В декабре, на бульваре, в гроте, на камнях, возле горсовета.

В марте, на склоне, в Отраде, среди кустов, на прошлогодней траве.

Летом, в жару, над морем, под маслинами, с мидиями, не спеша, в одних плавках.

Осенью, в темноте, из горла, в парке, над портом, замерзая, в пальто.

Зимой, в мороз, над рекой, в бане, с девушками, потягивая, в простынях.

Весной, на даче, у моря, под сливой, на клеенке, покуривая, уже в рубашках.

В школе, вечером, во дворе, с хулиганами, после дискотеки.

В походе, ночью, у костра, с гитарой, на холодной земле.

В парадной, без штопора, в тапочках, под разбитой лампочкой, черт знает с кем.

В университете, на сдвинутых вместе столах, в аудитории, всей командой, после КВН.

На палящем солнце, в сумерках, под звездами, при луне, с фонариком, в лучах прожектора, при свечах, с керосиновой лампой.

На "Правде", "Известиях", "Труде", "Пионерской правде", "Водном транспорте", "Учительской газете", "Огоньке", "Комсомольской зірке".

В такси, трамвае, троллейбусе, автобусе, на яхте, катамаране, пароходe, теплоходе, в поезде, самолете, лодке, грузовике.

В кафе, столовой, баре, ресторане, буфете, кинозале, театре, музее, на фабрике, заводе, стройке, стадионе, лекции, семинаре, политинформации, профсобрании, после уроков, занятий, тренировки, репетиции, дежурства, работы, свидания, интимной близости.

Над облаками, в стратосфере, в межпланетном пространстве, среди астероидов, за пределами галактики, во вселенной.

Одесса. "Перлина степу"

Они лежали на белом горячем песке у самой воды и разговаривали. Солнце было уже высоко, и очертания стоящих на рейде судов чуть-чуть подрагивали у самого горизонта. Они поднялись с песка, прошли по пирсу примерно до середины, один за другим прыгнули в теплую липкую воду и поплыли к волнорезу, ныряя и обгоняя друг друга. Через полчаса они вышли из воды, постояли несколько минут, высыхая, достали из сумок стертые рваные кеды и старый футбольный мяч и поднялись по каменной лестнице к небольшой асфальтированной площадке, обнесенной металлической сеткой. Несколько часов они играли там три на три под палящим полуденным солнцем, и все это время солнце неподвижно стояло в зените прямо над ними. Около двенадцати они снова спустились на пляж и с шумом побежали к воде, толкая друг друга, а потом снова лежали на песке, играли в карты и пили вино. Примерно в два они пошли ловить с пирса бычков, потом отдирали от камней мидии и складывали в целлофановые пакеты, чтобы после жарить их на костре, поливая морской водой, потом выходили в море на маленькой яхте, ныряли с волнореза, кто дальше, и плыли в сторону берега сколько хватало дыхания. Было не больше трех, когда один из них умер, и они снова лежали на песке, а потом прыгали в воду с пирса, играли в карты и пили вино. В половине пятого пошел дождь, и они поднялись наверх, в бильярдную, и долго играли там до восьми шаров на большом бильярде. В пять дождь перестал, и они опять играли в карты, сидя на топчанах, и пили вино. Около шести один из них уехал в Москву, и они снова лежали у воды, и ныряли, и играли в футбол, а потом долго сидели на зеленых пыльных склонах. В семь стало холодно, и море замерзло, и они удивленно бродили в тишине по прочному белому льду, а потом молча сидели на сером безлюдном пляже. Еще

не было восьми, когда снова стало тепло, и он был уже один, и солнце садилось, и он лежал на песке у самой воды, играл в два шара на бильярде и ловил с пирса бычков, а после, когда наступила ночь, сидел в темноте под акациями на пустынном склоне, и блестели звезды, и звенели цикады, и старый, южный, раскаленный от зноя город был за его спиной.

Напитки собственного изготовления

Одесса. Домашнее вино

— Итак, значок знатного алкоголика, сто литров домашнего вина и звание лучшего в стране специалиста по крепляку вручаются Соколову Александру Ивановичу! В этом году Александр Иванович с товарищами установил новое всесоюзное достижение по потреблению крепких напитков типа "Портвейн" — одна тысяча восемьдесят человеко-бутылок на троих в месяц, что в пересчете на общедоступный язык составляет девять литров в день на человека... если, конечно, в этот день его еще можно назвать таковым. Думается, не нужно лишний раз напоминать, что этот всесоюзный рекорд одновременно является мировым. Александр Иванович! Где вы? Не скромничайте, давайте-ка на сцену, страна должна знать своих героев! Вы не скромничаете, вы просто не в состоянии? Ну, помогите же человеку подняться, вы что, не видите, он после рабочего дня на ногах не стоит!..

Большой, высокий, празднично украшенный зал. Широкая сцена, президиум. Добротные, хотя и старомодные, костюмы, белые рубашки, галстуки. Ты сидишь в зале, примерно в десятом ряду. Рядом с тобой кто-то сопит, засыпая. Ты осторожно осматриваешься. О, вот это сюрприз — из соседнего ряда тебе улыбается Шурик. Кто-то дремлет у него на плече. Ты присматриваешься и с трудом узнаешь Сережу. Растрепанные волосы закрывают ему половину лица, губа разбита, щека измазана чем-то черным.

— Теперь переходим к вручению наград в номинации "Самогон". Звание победителя, двадцать бутылок чачи и диплом пьяницы высшего разряда получает Юрий Семенович Вознесенский! За прошедший год Юрий Семенович в одиночку переработал пятьсот четыре литра высокотоксичных самогонов самого разного происхождения, от простых пшеничных и яблочных до нетрадиционных пирамидоновых и суперфосфатных. Юрий Семенович, прошу! Так вы и сейчас перерабатываете? Какой? Диоксиновый? Прямо с Украины? То-то я смотрю, вы в лице переменялись. Ну, не буду отрывать; передадим через реанимацию.

Ты снова обводишь взглядом зал. Шурик поднимает руку в приветствии; в руке у него стакан с прозрачной жидкостью. Ты поворачиваешься в другую сторону и в третьем ряду слева видишь Игоря, который что-то наливает своему соседу из большой темной бутылки.

— Следующая номинация — "Шмурдяк". Товарищи, попрошу не морщиться. Для получения награды хочу пригласить на сцену потомственного алкаша, забулдыгу первой категории, заслуженного испытателя плодово-ягодной продукции Виктора Николаевича Иванова! Приз победителю вручают наши коллеги из Кишинева; это "Букет Молдавии" в экспортном варианте, называется "Гибель Японии".

В зале одобрительно аплодируют. Вокруг много знакомых лиц — соседи, родственники, товарищи по работе. Во втором ряду дядя Петя и дядя Валя неторопливо распивают бутылку "Лимонной", у окна Кела и Пеца не спеша потягивают пиво, сзади Виталик отхлебывает из фляги коньяк. Ты смотришь по сторонам; Сережа куда-то исчез; Шурик пробирается к тебе со стаканом в руке; Игорь оставляет соседа и идет к вам, не выпуская из рук бутылку.

— В номинации "Спирт медицинский, коньячный, технический, сырец, ректификат" высшую награду — десять литров денатурата — получает Михайло Юхимович Непейвода! К сожалению, посмертно. Предлагаю почтить память победителя вставанием... Виноват, не подумал. Тогда предлагаю почтить память минутой молчания. Товарищи, убедительная просьба: во время минуты молчания не икать и не отрывивать... Спасибо... ой!.. Извините, не удержался. В номинации "Французские вина" призы было решено не вручать по причине отсутствия номинации. В номинации "Сивуха" победу одержал всенародно любимый убийца... то есть пропойца, широко известный повеса и волокита... и здесь волокита? нет, не можем без бюрократии... трижды алканавт СССР Альберт Янович Мангель!

Все кругом опять выпивают; еще недавно веселые лица наливаются краской, тяжелеют, темнеют; проходит немного времени, и в зале остаются только усталые люди в измятой одежде и изношенной обуви.

— Ну, и наконец последняя номинация — "Одеколон". Я понимаю, что передергивает. Ничего, не вы один после вчерашнего. Приз победителю — разрешение на внеочередную пересадку печени — вручают представители нашей парфюмерной фабрики. Я думаю, товарищи, мы можем гордиться тем обстоятельством, что исключительно благодаря нам наши парфюмерщики уже четвертый год перевыполняют план по выпуску мужских одеколонов, лосьонов для бритья и других напитков. Ну что ж, еще раз по-

здравим всех победителей и пожелаем им как можно дольше — года два, а то и целых три, здесь уже все от врачей зависит — радовать нас своими высокими достижениями.

Со сцены еще что-то говорят, но это уже никого не интересует. Народ начинает медленно подтягиваться к выходу. Встаем и мы; ну что домой, спрашиваешь ты; все смотрят на тебя как-то странно; да нет, я в порядке, говоришь ты, можем идти; он что, ничего не знает, спрашивает Шурик; наверное, отвечает Игорь; чего это я не знаю, говоришь ты, короче, пошли, по дороге поговорим; подожди, говорит Игорь, нам некуда отсюда идти; в каком смысле, спрашиваешь ты; в простом, отвечает Игорь, некуда и все; а что же дома, спрашиваешь ты; а дома нет, говорит Игорь; как нет, спрашиваешь ты, совсем; совсем, говорит Игорь; а что же есть, спрашиваешь ты; а ничего, говорит Игорь, ничего, кроме этого. Ты подбегаешь к выходу из зала, расталкиваешь толпу, сбегашь по лестнице на первый этаж, пролетаешь через вестибюль и распахиваешь дверь на улицу. Снаружи ничего нет, кроме густой темноты; исчезли сквер, дома и деревья; звезды мерцают высоко над головой и далеко под ногами. Ты застываешь в проеме, потом аккуратно, чтобы не сорваться вниз, прикрываешь дверь, поворачиваешься и медленно идешь обратно через вестибюль; когда дядя Валя подходит к двери, ты уже поднимаешься по лестнице и не успеваешь увидеть, как он осторожно приоткрывает створку, выглядывает наружу, на мгновение останавливается на пороге и бесшумно соскальзывает в узкую щель.

Петродолинское. Брага

Есть напитки, которые отрывают от земли и уносят в будущее.

И есть напитки, которые вдавливают в землю и уводят в прошлое.

Ты проваливаешься все дальше и дальше назад с каждым глотком.

Сначала ты перестаешь адекватно воспринимать происходящее; это отнимает у тебя всего пятьдесят-шестьдесят тысяч лет. Потом твой язык прекращает слушаться тебя, сохраняя способность воспроизводить только самые простые звуки; ты погружаешься еще на триста тысяч лет глубже. Потом исчезает твое сознание, и у тебя не остается ничего, кроме инстинктов; ты уходишь в прошлое на пятьсот тысяч лет. Ты выпиваешь еще глоток, который отключает вестибулярный аппарат; ты больше не можешь сохранять равновесие и тебе приходится опуститься на четвереньки; ты быстро преодолеваешь разрыв между двуногими и четвероногими, промахивая сразу четыре миллиона лет. Хозяйка наливает тебе еще один

стакан; ты осушаешь его, разноцветный мир внезапно становится черно-белым, а окружающие тебя звуки сливаются в однообразный монотонный шум; этот стакан обходится тебе еще в пятнадцать миллионов. Ты отдыхаешь несколько минут и выпиваешь еще; твои конечности ослабевают, укорачиваются и исчезают совсем, а голова прочно врастает в тело; ты принимаешь форму забытого в кустах резинового шланга, способного перемещаться исключительно путем одновременного вращения во всех направлениях. Ты перепрыгиваешь от млекопитающих прямо к рептилиям, и из всех доступных тебе звуков у тебя остается только шипение. Твой язык утончается и странно раздваивается на конце, у тебя пропадают еще несколько жизненно важных органов, но ты все еще способен поглощать предложенную тебе жидкость. Именно так ты и поступаешь; каждая новая капля невозвратно уменьшает тебя в размерах и затрудняет твою способность к движению, и без того весьма ограниченную; периоды, эпохи и эры стремительно проносятся перед твоими, уже несуществующими, глазами, наталкиваясь друг на друга и отправляя тебя назад еще на миллиард лет. Окончательно избавляясь от каких бы то ни было чувств, ты едва успеваешь ощутить неправдоподобную микроскопичность своих размеров, окруженных океаном чего-то, названия чему ты не знаешь, как новый глоток, теперь уже последний, уничтожает и эти твои границы, растворяя тебя в этом океане; ты исчезаешь в прошлом, и красные цифры "— 4.000.000" еще долго, целых пятьсот миллионов лет, светятся в пустоте на том месте, которым был ты.

Коньяки **Одесса. "Аркадия"**

Лето. Полдень. Жара.

Юра разливает по сто.

Раскрываются створки ворот, и мы медленно выкатываемся из полутемных высоких ангаров в ослепительный июльский день, покачиваясь на выбоинах и зажмурив глаза от солнца. Мы останавливаемся, осторожно открываем глаза и оглядываем дымящуюся от зноя степь, дрожащий вдаль горизонт и знакомое синее небо.

Мы чокаемся и выпиваем.

Строгий голос что-то приказывает в наушниках, мы вспыхиваем зелеными лампочками приборов, вскипаем негромким гулом турбин и неспешно прокатываем к заранее подготовленному месту, напевая под нос

и поправляя тонкие галстуки под темно-синими форменными кителями. Мы смотрим вперед и улыбаемся друг другу; сегодня легкий день, нас не провожает никто, и мы не берем пассажиров.

Юра снова разливает по сто. Мы, все трое, неторопливо проезжаем перед зданием аэропорта, аккуратно вписываемся в поворот, вырulingаем на взлетную полосу и замираем перед стартом, настойчиво гудя моторами. За стеклом степь все так же дымится от зноя, горизонт все так же дрожит вдали, и знакомое синее небо нависает прямо над головами.

Мы чокаемся и выпиваем.

Зеленые лампочки гаснут и тут же вспыхивают снова; строгий голос в наушниках становится еще строже; мы взрываем всеми своими лопастями, вздрагиваем белоснежными корпусами, медленно трогаемся с места, разгоняемся по бетонной прямой и плавно отрываемся от земли. Покачивая крыльями, мы проносимся над плоской суевой аэропорта, плоской синевой лиманов и плоской тишиной степи, делаем разворот и начинаем подниматься над плоской поверхностью планеты, которая постепенно изгибается нам в ответ.

Юра разливает еще по сто. Мы пролетаем над Аравийским полуостровом, успевая заметить острый изгиб Африканского рога далеко внизу, и уходим в стремительно чернеющее небо.

Мы чокаемся и выпиваем; Сережа закусывает лимоном. Мы все дальше отрываемся от земли, все глубже погружаясь в небо; уменьшающаяся планета быстро перемещается в иллюминаторе, пока наконец не оказывается прямо над нами. Мы смотрим вперед и улыбаемся друг другу; мы улетаем, не улетаю; мы тонем там, где утонуть невозможно.

Юра снова разливает по сто. Нет дна; нет конца, нет начала, нет движения, нет покоя. В иллюминаторе постепенно исчезают звезды и чернота; последним исчезает иллюминатор. Мы находимся неизвестно где и когда, хотя и прекрасно знаем, что эти место и время нам хорошо знакомы.

Мы чокаемся и выпиваем; все закусывают лимоном.

Неожиданно движение возникает снова, ускоряясь и складываясь в вихри. Вращение пространства прижимает нас друг к другу; нас начинает мутить в наших жестких скафандрах, не приспособленных к таким перегрузкам. Центробежная сила с непредставляемой скоростью выбрасывает нас куда-то далеко вверх и вперед, и когда пространство и время снова отделяются друг от друга, рыжее пятно Австралии уже проносится прямо над нами; безвозвратно снижаясь, мы пролетаем под синей выпуклостью Индийского океана, проходим рядом с вечерними огнями Кейп-

тауна, дотягиваем до Атлантического побережья Аргентины — волны прибоя так близко, что кажется, будто до них можно дотянуться, стоит только поднять руку — проносимся под пригородами Буэнос-Айреса, почти задевая кроны деревьев; Юра снова разливает по сто, мы торопливо выпиваем не чокаясь и тут же, достигнув своего потолка, навсегда врезаемся в землю недалеко от чилийской границы, в двадцати пяти километрах от города Мендоса.

Бренди **Одесса. "Кальвадос"**

Проходит несколько лет, и мы обнаруживаем себя сидящими с рюмками в руках на свадьбе кого-то из нас, мы с трудом вспоминаем, кого. Мы сидим здесь давно; мир уже сузился до размеров длинного стола, заставленного бутылками и закусками; все остальное расплывается в причудливые узоры и исчезает в резких полосах света и громких звуках музыки. Мы разговариваем, крича и перебивая друг друга; мы сняли пиджаки, нам душно и жарко, и только иногда по ногам пролетает какой-то ветерок. Юра снова протягивает руку к бутылке, мы прерываем разговор на несколько секунд, кладем себе шпроты и возвращаемся к чему-то, что представляется нам всем исключительно важным. Слова застывают в воздухе, растекаются над столом и медленно исчезают в пространстве. Юра открывает еще одну бутылку с надписью "Кальвадос"; мы снова прерываем разговор на несколько секунд и кладем себе шпроты; слова растекаются над столом, нам жарко, и приятный ветерок шевелит нам волосы. Мы видим, как Женя о чем-то говорит с музыкантами; мир заполняет вступление к "I just called", и мы встаем и идем танцевать перед маленькой эстрадой, выпив еще по рюмке перед дорогой. Девушки обнимают нас за плечи, свежий ветер овеивает нам лица, и мы счастливы. Мы возвращаемся за свой столик и тут же наливаем еще по одной; мы спорим о чем-то, кто-то произносит какой-то тост, Юра открывает еще одну бутылку с надписью "Кальвадос", кто-то произносит еще один тост, мы снова идем танцевать, Юра открывает бутылку без всякой надписи, потому что бутылок с надписью "Кальвадос" больше не видно, кто-то предлагает сфотографироваться с невестой, и мы идем в вестибюль и фотографируемся с двумя девушками из Винницы, не потому что не можем найти невесту, а потому что девушки из Винницы кажутся нам симпатичнее, Юра открывает еще одну бу-

тылку без надписи, и так продолжается до тех пор, пока неожиданный порыв ветра не вскидывает край скатерти, сбрасывая на пол тарелки. Мы замолкаем и удивленно смотрим на белые осколки, пытаюсь понять, что же произошло; наконец Юра машет рукой и разливает всем из почти пустой бутылки; мы торопливо выпиваем, Вадик встает, чтобы позвать официанта, но в этот момент ветер налетает с еще большей силой, он бросает Вадику в лицо ворох бумажных салфеток и расшвыривает по столу окурки из пепельниц; бутылки валятся в салаты, вилки дребезжат о ножи, и мы замираем в изумлении и смотрим, как легкие белые квадраты кружатся в воздухе, опускаясь все ниже и ниже. Мы переводим взгляд на плотно зашторенные окна, потом на тщательно закрытые двери; мы пытаемся понять, откуда взялся этот ветер, но тут он снова налетает на нас неизвестно с какой стороны; наши рюмки падают на пол, разлетаясь на тысячи кусочков, наши пиджаки взлетают со спинок стульев и уносятся куда-то вдаль, наши рубашки наполняются тугой силой, приподнимая нас над землей. Мы едва успеваем оглядеться, как новый порыв ветра, еще более яростный, чем предыдущий, наваливается на нас со всех сторон, срывая со столов скатерти и переворачивая стулья. Как только ветер стихает, мы вскакиваем и бежим к выходу, пытаюсь выбраться наружу, но в вестибюле нас останавливает настоящий шквал; бешено мчащийся воздух расшвыривает нас в стороны, прижимает к стенам, бросает на пол; мы пытаемся удержаться на ногах, отчаянно цепляясь друг за друга, но у нас ничего не выходит; ветер сбивает нас с ног, и мы застываем на полу в неловких позах, ожидая затишья. Наконец буря прекращается; мы с трудом поднимаемся на ноги и бредем к дверям, поддерживая друг друга; мы выбираемся наружу, останавливаемся передохнуть посреди тротуара, и в этот момент немислимой силы ураган обрушивается на нас откуда-то сверху; ветер врывается в наши рты, ввинчивается в бронхи, вонзается в легкие; мы разлетаемся в стороны, как осенние листья, сорванные с веток внезапным вихрем, и ветер уносит нас вдаль, переворачивая в мощном потоке.

Вернувшись назад следующим утром, мы обнаруживаем себя разбросанными по городу и окрестностям в знакомых и незнакомых местах, на улицах, в квартирах, на садовых скамейках и в поездах дальнего следования; мы кое-как добираемся домой, принимаем душ, покупаем кефир и долго сидим на бульваре, глядя на корабли и готовясь к новому путешествию.

Виски

Маяки. "Johnny Walker"

Этот светлый летний день начинается так же легко, как и все остальные. Вы просыпаетесь рано, быстро завтракаете, Люба спускается в магазин купить кое-что в дорогу, и вы отъезжаете от дома, когда еще нет девяти. По дороге вы заскакиваете к тебе на восьмую Фонтана за бутылкой "Johnny Walker", ты машешь маме рукой в ответ на ее обычное "Димочка, только прошу тебя, осторожнее!" и, как всегда, бежишь вниз по лестнице с девятого этажа; солнце еще только поднимается над степью, на трассе почти нет машин, и в десять вы уже на даче. Дети сразу же убегают к лиману, Люба устраивается в летней кухне готовить обед, и ты не меньше часа возишься во дворе по хозяйству, а потом спускаешься вниз за детьми; вода в лимане уже теплая, вы долго купаетесь невдалеке от берега, и ты показываешь им, как правильно плавать кролем. Вы обедаете под высокой черешней за старым деревянным столом; ты рассказываешь о своем последнем рейсе в Азию; Люба улыбается, дети хохочут; ты запиваешь еду настоящим шотландским виски. После обеда ты немного читаешь в саду, а Люба идет отдохнуть в дом; там не так жарко, и холодные черные тени нависают над прохладными белыми простынями. Ты засыпаешь на несколько минут, а когда просыпаешься, солнце уже светит тебе в лицо сквозь тонкие листья маслины, немного опустившись к западу. Просторный сад залит золотым светом, прозрачные тени вздрагивают на свежей траве, из дома доносятся детские голоса, и ты чувствуешь, что счастлив. Ты работаешь в саду еще несколько часов, приводя в порядок дорожки; вы еще раз садитесь за стол, теперь уже ненадолго, и ты выпиваешь еще немного. Вечереет; вы начинаете понемногу собираться домой; твоя недавно привезенная из Японии, хоть и не новая, но вполне приличная "Тойота" удобно стоит во дворе; вы складываете вещи в багажник, рассаживаетесь, и ты аккуратно трогаешь с места: ты еще не совсем привык к правому рулю, к тому же никак не соберешься заменить вконец истертые покрышки. Ты проезжаешь через село, берешь вправо и выезжаешь на трассу. Вечереет; золотое июньское солнце садится над степью. Дорога почти пуста; ты догоняешь старый "Москвич", который идет не больше семидесяти. Ты не спешишь, но тебе не очень хочется плестись непонятно за кем на своей иномарке; тебе не очень хорошо видно со своего места справа, что там впереди перед "Москвичом", но дорога почти пуста, до поворота еще далеко, и ты резко берешь влево, выскакиваешь на встречную и нажимаешь на газ. К твоему удивлению, до поворота оказывается ближе, чем ты думал; пря-

мо на твоих глазах оттуда вылетает автобус и несется тебе навстречу. Ты озадачен; ты не знаешь, что делать, то ли тормозить, чтобы укрыться за "Москвичом", то ли ускориться, чтобы проскочить. После секундного замешательства ты вдавливаешь в пол педаль газа, но твоя скорость почти не увеличивается; автобус несется прямо на тебя, отчаянно сигнали и мигая фарами. Ты наконец понимаешь, что проскочить не удастся, и изо всех сил нажимаешь на тормоза, пытаясь пропустить вперед "Москвич", который все это время остается справа от тебя, но изношенная резина уже не в состоянии удержать тебя здесь; за твоей спиной страшно кричат, но ты этого не слышишь. Зачем-то сошедшиеся на узком участке пространства автобус, "Тойота" и "Москвич" мчатся навстречу друг другу; садится солнце; на уходящем далеко к горизонту шоссе нет других машин. От резкого торможения тебя разворачивает, автобус врезается тебе в бок и на полной скорости слетает с дороги в кювет, толкая тебя перед собой; вдоль шоссе идет оросительный канал, и твоя "Тойота" попадает в него и тут же тонет; насквозь пронизанные болью, вы взлетаете вверх, успевая только увидеть навсегда застывший в кювете автобус, навсегда исчезающий за поворотом "Москвич" и тусклый огненный шар, навсегда повисший в темноте на окраине спиральной галактики.

